

УДК 882
ББК 84 (2=411.2)

Запреты и предписания, касающиеся семейной жизни, в творчестве толстовца И. Тенеро

Галина Аркадьевна Элиасберг

(Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)

Кандидат филологических наук, ORCID ID: 0000-0002-8051-8912,
доцент, Учебно-научный центр библеистики и иудаики,
Российский государственный гуманитарный университет:
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6. ГСП-3;
тел.: +7 (495) 250-64-70, E-mail: eliasgal@rambler.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2018.19

Аннотация: Статья посвящена жизненному пути и произведениям И. Тенеро, участника движения толстовцев, корреспондента Л.Н. Толстого, автора воспоминаний о нем, журналиста и драматурга. Анализируются произведения, отразившие его понимание «семейного вопроса», близкое взглядам Толстого; подчеркивается автобиографическая основа ряда его пьес, а также рассказов о беседах с Толстым. Не претендующие на художественную значимость произведения Тенеро рассматриваются с точки зрения назидательных задач и моральных уроков, важных для автора, мировоззрение которого сформировалось под влиянием идей толстовства, русской общественной жизни, а также ассимиляционных процессов, характерных для российского еврейства в переходную эпоху рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: *Толстой Л.Н., Толстая С.А., Ивакин И.М., движение толстовцев, русско-еврейская драматургия*

На рубеже XIX–XX вв. семейный вопрос был предметом широких общественных дискуссий, особую роль в которых играло обсуждение литературных текстов и прежде всего произведений Л.Н. Толстого [Розанов 2004; Амфитеатров 1907; Юкина 2007]. Отход от устоев, борьбу за женскую эмансипацию и европеизированный путь развития русского общества Толстой рассматривал критически [Эйхенбаум 2009, 620–640; Опульская 1979, 44–47; Заламбани 2017]. Вопросы семейных отношений, размышления о судьбах близких ему людей отражены также в его дневниковых записях и эпистолярном наследии.

Одним из корреспондентов Толстого был Исаак Борисович Файнерман (9(21).12.1864, Черкассы – 14.12.1925, Москва (?)), писавший под псевдонимом И. Тенеромо (перевод фамилии на латинский)¹. В 1885–1895 гг. он был участником движения толстовцев, трудился в «интеллигентных» коммунах, был одним из организаторов сельскохозяйственной общины в селе Глодоссы Херсонской губернии (1889–1890), работал в столярной мастерской в Полтаве (1891–1895) [Гордеева 2003, 72–74, 76–77]. В 1896 г. получил фельдшерское образование, в 1903 г. окончил зубоврачебные курсы, практиковал в Киеве и Елисаветграде. Журналистскую деятельность начал в 1896 г. в газете «Одесские новости» публикациями очерков о г. Вознесенске; в 1903–1907 гг. сотрудничал в газете «Елисаветградские новости», в 1905 г. переехал в Одессу, сотрудничал в «Одесском листке», в 1907–1912 гг. жил в Петербурге, печатался во многих столичных и провинциальных изданиях. В связи с болезнью весной 1912 г. вернулся в Елисаветград; здесь и в Киеве пережил тяготы гражданской войны, в 1922 г. переехал в Москву. Его драмы «Модная пагуба» (1901), «Развод» (1902), «Клара Штейнберг» (1913), «Новый грех» (1914) и другие ставились на провинциальных сценах; пьеса «Александр III» была показана в Москве в театре «Аквариум» в августе 1925 г. В 1910-е гг. Тенеромо увлекся кинематографом, стал одним из первых российских кинодраматургов, был автором сценария фильма «Уход великого старца» (1912) и начального варианта сценария к фильму «Еврейское счастье» (1925) по мотивам рассказов Шолом-Алейхема «Менахем-Мендл» [Толстой 63, 412–413; Элиасберг 2009, 45–55; Элиасберг 2013, 109–146].

Тенеромо известен как автор воспоминаний о беседах с Толстым, в которых стремился передать мысли своего духовного наставника; он был одним из первых публикаторов писем Толстого, получив его личное разрешение [Толстой 74, 258]. Письма с их факсимильным изображением печатались в 1903–1904 гг. в газете «Елисаветградские новости», с которой он начал сотрудничать и где в дальнейшем поместил множество статей по широкому кругу общественных вопро-

¹ В источниках встречаются варианты написания фамилии: Файнерман и Фейнерман. В ряде изданий как год рождения И.Б. Файнермана приводится 1862-й, 1863-й, 1865-й [Ивакин 1961, 113; Толстой 63, 412; Писатели современной эпохи 1992, 245]. В этой статье дата приводится по автобиографии Тенеромо в фонде С.А. Венгерова [ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3682 («Файнерман Исаак Борисович. Автобиографическая заметка». 1912. Л. 3–10). Л. 3].

сов, а также ряд художественных произведений. В 1906 г. Тенеромо издал книгу «Воспоминания о Л.Н. Толстом и его письма», где привел отклик Толстого (от 23.01.1904) на публикацию своих 20 корреспонденций: «Письма действительно могут быть интересны, и мне очень приятно прочесть их и вспомнить хорошее время и вместе с тем увидеть, что я теперь думаю и чувствую так же, как думал тогда» [Тенеромо 1906, 155].

В год 80-летнего юбилея Толстого Тенеромо подготовил две книги: «Живые речи Л.Н. Толстого: 1885–1908» [Тенеромо 1908а] и «Жизнь и речи Л.Н. Толстого. “В Ясной Поляне”» [Тенеромо 1908б]. В брошюре «Л.Н. Толстой о евреях» (Одесса, 1908) вошли статьи, опубликованные в столичных «Биржевых ведомостях» (1905–1906) и в сборнике 1906 г. Она была переиздана в 1909 г. в Петербурге с предисловием депутата Государственной Думы О.Я. Пергамента, а затем – в 1910 г., после кончины писателя; в переводе на идиш опубликована в серии «Di internatsionale bibliotek» (Нью-Йорк–Варшава, 1911). Тексты Тенеромо играли заметную роль в обсуждениях отношения Толстого к еврейскому вопросу [Меджибовская 2013, 83–85, 90, 97–99, 106–108].

Однако еще при жизни писателя «олитературенные» воспоминания Тенеромо нередко подвергались сомнениям, опровергались самим Толстым и его окружением, включая С.А. Толстую и Д.П. Маковицкого. Тем не менее Толстой не позволял себе резких высказываний о Файнермане. Так, в письме к Н. Анучину на вопрос о статье «У Л.Н. Толстого» («Биржевые ведомости». 1908. № 10628, 29 июля) он заметил, что Тенеромо «пишет очень часто очень неточно» [Толстой 78, 204]. Негативные отклики известны со слов других лиц [Толстой 63, 413]. Софья Андреевна Толстая сохраняла к нему неприязненное отношение, как и ко многим толстовцам, появившимся в их доме в 1880-е гг., когда обозначился кризис в ее собственной семье.

Графиня Толстая, разделявшая многие сословные предрассудки, считала Файнермана революционером, опасалась его влияния на мужа и сыновей, что отражено на страницах ее мемуарной книги «Моя жизнь», которую она писала в 1904–1916 гг. [Толстая 2011/1, 503; 2011/2, 25, 26, 28, 36, 214]. В статье «В Ясной Поляне» корреспондента суворинской газеты «Новое время» А.Н. Молчанова (1890, 7(19) июня) передаются ее слова, в которых заметно желание снять подозрения со своей семьи:

Л.Н. никогда с крестьянами не разговаривает о религии, да он и совершенно не годится для таких разговоров. Был у нас на селе еврей Ф. с женой; действительно это были фанатики идеи. Два года они жили по соседству с нами, но только что я услышала в Москве один намек на возможность народной пропаганды со стороны Ф., я тотчас сообщила ему мои опасения, и он немедленно уехал, уехал даже совсем из Тульской губернии. Поверьте, никакой пропаганды нет и не было... [Молчанов 1986, 59].

Толстая, на плечах которой была забота о финансовом положении семьи и будущем детей, возмущалась радикальными взглядами Файнермана по вопросу о собственности, публикациями о Толстом и их доме. В 1885–1886 гг. она была свидетельницей его конфликта с первой женой Эсфирью Борисовной, в основе которого было стремление Файнермана к буквальному претворению в жизнь идей толстовства, невзирая на бедственное положение жены и малолетней дочери. Симпатии Толстой были на стороне Эсфири, о которой она тепло отозвалась в воспоминаниях «Моя жизнь» [Толстая 2011/1, 486]. В одном из комментариев к событиям 1887 г. в своей книге «Письма к Л.Н. Толстому» она упоминала эпизод, когда ей удалось помочь Эсфири вопреки полицмейстеру Власовскому, выславшему ее из Москвы как еврейку, не имевшую «право жительства» [Толстая 1936, 383]. Решительные действия графини Толстой позволили Эсфири сдать экзамены на акушерских курсах. Этот случай описан в рассказе Тенеромо «Толстой о черте еврейской оседлости», однако имя женщины он не указал и упомянул не Власовского, а Трепова [Тенеромо 1910б, 87–91].

Наиболее полным собранием воспоминаний Тенеромо остается сборник «Живые слова Л.Н. Толстого (за последние 25 лет его жизни)» (1912), в который вошло свыше ста мемуарных рассказов, эпизодов и легенд. В том же году он написал сценарий «Уход великого старца», по которому Яков Протазанов и Елизавета Тиман сняли первый игровой фильм о Толстом [Протазанов 1948, 242–244]. Создание ленты было приурочено ко второй годовщине со дня кончины писателя и должно было внести заметный вклад в общественный отклик на это событие. Однако по требованию Софьи Андреевны и Льва Львовича Толстого, которого создатели фильма специально пригласили на закрытый показ в Москве в ноябре 1912 г., картина была запрещена в России, что обосновывалось изображением интимных сторон семейной жизни Толстых [Летопись 2004, 118–119].

Воспоминания о Толстом и популяризация его религиозно-философских воззрений, в том числе на семейный вопрос, стали главными темами в литературном творчестве Тенеромо 1900-х–1920-х гг. Необходимость содержать многодетную семью, напряженная журналистская деятельность в сочетании с медицинской практикой требовали значительных усилий. Весной 1912 г. он перенес инсульт; о своей болезни он сообщал С.А. Венгерову в письме от 28.12.1912, сопровождавшем его автобиографическую заметку для справочника «Источники словаря русских писателей», в которой сообщал о себе следующее:

Фейнерман (Тенеромо) Исаак Борисович. Родился я 9 декабря 1864 г. в еврейской семье в г. Черкассах, Киевск[ой] губ[ернии]. Отец мой, адвокат по профессии, имел обширную клиентуру и пользовался широкой известностью в общине как выдающийся знаток Торы и Талмуда. С детства он и меня учил священному языку и начаткам Талмуда. Но вскоре по переезде в другой город образование мое приняло иной характер [ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3682. Л. 3].

Файнерман поступил в уездное училище, затем в Лубенскую гимназию, с 5-го по 8-й класс учился в Киевской 1-й гимназии, где «пристрастился к русской литературе, будучи, главным образом, под влиянием идей Н. Добролюбова и Д. Писарева. Участвовал в кружках, но без резкой политической окраски». Под влиянием религиозных сочинений Толстого подал прошение об увольнении из гимназии, поселился в деревне недалеко от Киева, «целые дни проводил в беседах с богомольцами, шедшими в Киев. Красота русской речи и глубина религиозного чувства очаровывали меня. Меня потянуло в глубь России, и я пошел пешком. Пришел я в Ясную Поляну летом 1885 г. Толстой знал обо мне по письмам и очень радушно встретил меня» [Элиасберг 2013, 110].

В архиве Л.Н. Толстого сохранилось первое письмо Файнермана (1885), в котором он писал, что в его сочинениях «Исповедь», «В чем моя вера» и «Краткое изложение Евангелия» он нашел ответы на свои духовные искания [Элиасберг 2013, 111]. Сведения о пребывании И. Файнермана в Ясной Поляне отражены в письмах и дневниковых записях Л.Н. Толстого и С.А. Толстой, а также в мемуарах их детей Ильи Львовича, Сергея Львовича, Льва Львовича Толстых [Толстой 1969, 196–200; Толстой 1975, 161, 177; Толстой 1923, 90–

91], толстовцев П.И. Бирюкова [Бирюков 2000, 50–51], А.С. Буткевича [Буткевич 1938, 350–354] и других.

Особый интерес для нашей работы представляют «Воспоминания о Толстом» Ивана Михайловича Ивакина (1855–1910), выпускника филологического факультета Московского университета, учителя в доме Толстых, в которых отражены события 1885–1886 гг., связанные с Файнерманом. Запись о первой встрече в кабинете Толстого датируется 30 июля 1885 г., а 10 августа он отмечал: «Ходили слухи, что... Файнерман хочет принять православие» [Ивакин 1961, 47, 70]. 16 августа он упоминал о приезде в усадьбу В.Г. Черткова и Бирюкова, а также о своем возвращении в Москву.

В письме Толстого к жене от 17 августа имеются сведения об обстоятельствах крещения Файнермана [Толстой 83, 506]. Критическое отношение к крещению, помимо упомянутого Толстым «несочувствия» со стороны кузена А.М. Кузминского, высказал в своем письме и Чертков [Толстой 85, 251–252]. Отвечая ему 30 августа 1885 г., Толстой писал: «Файнермана переход в православие я не сужу. Мне кажется, что я бы не мог сделать этого, п[отому] ч[то] не могу себе представить такого положения, в к[отором] бы было лучше не говорить и не делать правду; но знаю, что было время, когда я мог. И потому думаю, что и он в переходном состоянии» [Толстой 85, 250].

В автобиографической заметке Тенеромо свидетельствовал: «Он [Л.Н. Толстой] предложил мне занять место школьного учителя в Ясной Поляне и, как бы конфузясь, заметил, что придется для этого принять православие. Он вызвался быть крестным отцом, а дочь его – Татьяна – крестной матерью. Мне трудно было решиться на этот шаг, и я спросил согласия у отца. Сверх моего ожидания, отец разрешил мне перейти в православие. Перед самым крещением Лев Николаевич поехал к председателю Земской Управы А.Н. Бибикову и просил его взять на себя обязанности крестного отца вместо него, Толстого. Обряд был совершен, и я стал преподавать в школе, куда приходили и дети Льва Николаевича. Но вскоре последовал донос со стороны священника, и от попечителя пришла бумага об увольнении меня» [ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 3682. Л. 5–6; Элиасберг 2013, 116].

Толстой был доволен молодым учителем, о чем писал Черткову 11 октября 1885 г.: «Благодаря Файнерману я захожу по вечерам в школу, где собираются взрослые слушать чтение и бывают беседы очень хорошие» [Толстой 85, 261]. Занятиям в яснополянской школе

посвящены рассказы Тенеромо «Толстой в школе», «В школе» (1885), «Педагоги», «Беседа о Сократе» [Тенеромо 1906, 58–66; Тенеромо 1912, 225–228, 350–351]. Однако учительствовал он лишь два месяца, поскольку попечитель Московского учебного округа граф П.А. Капнист не утвердил его в этой должности [Толстой 83, 518–519].

Посетив московский дом Толстых в ноябре 1885 г., Ивакин свидетельствовал, что Лев Николаевич говорил о Файнермане: «Этот крепкий человек сжег за собой все корабли» [Ивакин 1961, 75]. Вторая их московская беседа состоялась в начале февраля 1886 г.: «О Файнермане слышно будто бы только хорошее. Все, кто ни придет из Ясной Поляны, говорят одно и то же. Он все будто бы раздает. Оуждают его только за то, что морит жену: есть у них с женой чай, понадобится кому – он сейчас же все отдает...» [Ивакин 1961, 82].

Следующий фрагмент записок Ивакина отражает события июня 1886 г., когда он вновь приехал в Ясную Поляну:

[Л.Н. Толстой] заговорил о прежнем, что занимало его и зимою в Москве – стал рассказывать о Файнермане... Приехала к нему жена... недурная собою, но натура дюжинная, не понимает, что та жизнь, которую он ведет, и есть настоящая жизнь... А она им недовольна, хочет поступить на какие-то курсы, бог знает что и зачем... Вот нынче у нас дело – городить изгородь... Вот настоящее дело. И его за это все любят, начиная с Софьи Андреевны и кончая последней бабой на деревне: Борисыч, Борисыч, несут яиц, молока... Он имел хорошее влияние на детей моих, особенно на Илью: они увидели на нем возможность устроить жизнь по-другому... [Ивакин 1961, 83].

Однако не все соглашались с оценками Толстого: дочь Маша симпатизировала Эсфири, сын Сергей в беседе с Ивакиным признал, что считает свое участие в покосе «забавой», а его дядя Сергей Николаевич «называет это даже кошунством над трудом» [Ивакин 1961, 85, 87]. В противовес скептическому отношению Ивакина к участию семьи Толстых в крестьянских работах, описание покоса в дидактическом по своему пафосу рассказе Тенеромо «День опрощения» демонстрирует увлеченность этой идеей всего семейства графа [Тенеромо 1912, 127–130].

Как свидетельствует Ивакин, Толстой в беседах 1886 г. проявлял особую озабоченность его судьбой: «Ах, Борисыч! Ужасное положение у него с женою! ... не хочет жить так, как живет он, по-божьи... жить по-божьи ей представляется чем-то диким, – не то, что револю-

ционная деятельность. Он прежде был революционер, она – тоже...» [Ивакин 1961, 86]. Далее Ивакин приводит доводы Татьяны Андреевны, младшей сестры С.А. Толстой, и ее мужа А.М. Кузьминского в защиту требований Эсфири, на что Толстой возражал: «...кто любит всех, будет любить и жену. На фоне всеобщей любви он выделит и любовь к жене, но только на фоне всеобщей любви... Я не удивляюсь, что жена Файнермана с ним не согласна. Было бы удивительно, если бы женщина пошла на это. Если бы нашлась такая пара, это было бы чудом, и влияние этого было бы громадно!» [Ивакин 1961, 86].

Обсуждение «жгучего для Ясной Поляны вопроса об отношениях жены и мужа» продолжилось и на следующий день: А.М. Кузьминский «осуждал Л.Н. ... ему хорошо иметь возможность не прилагать к делу своих убеждений, его, впрочем, иначе и вообразить нельзя, и это очень хорошо, а Файнерман приложил их к делу, и вышла чепуха...» [Ивакин 1961, 88].

Семейная история Файнермана отражена в переписке Толстого с Чертковым в 1886 г. Обсуждая полемику по женскому вопросу, развернувшуюся вокруг его статей «О назначении науки и искусства», «О труде и роскоши», «Женщинам», Толстой замечал в письме от 17–18 апреля 1886 г.: «А я между прочим еще много думал о женщинах, о браке (Файнерман с женой вызвали это) и хотелось бы высказать. Разумеется, не о современных кумирчиках нашего времени – курсах, а о великом и вечном назначении женщины. Много превратного в этом отношении проповедуется именно в кружках интеллигентных женщин...» [Толстой 85, 345–346]. Далее Толстой подробно рассуждал о призвании мужчин и женщин, этот фрагмент письма был опубликован в журнале «Русское богатство» (1886, № 5–6) [Толстой 85, 349].

Файнерман покинул Ясную Поляну осенью 1886 г. по призыву на воинскую службу, от которой готовился публично отказаться, следуя напутствию Толстого [Толстой 63, 412], однако избежал конфликта с властями, так как был зачислен в «ратники ополчения по первой льготе» [РО ГМТ². Ф. 1. Д. 194/9. Л. 9].

Темой переписки четы Файнерманов с Толстым в 1886–1887 гг. был вопрос о разводе, на котором настаивали родители Эсфири, узнавшие о крещении зятя; их возмущало и то, что он вел странный

² Здесь и далее приводятся материалы архивных дел № 194/8–13 («Файнерман Исаак Борисович. Письма Л.Н. Толстому». 1885–1906 гг.).

для них образ жизни и не обеспечивал семью. Они отказывали в помощи, несмотря на чувства молодых супругов, ожидавших рождения второго ребенка. Развод состоялся в 1887 г., дети остались в семье Файнермана [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/9. Л. 13, 38; Д. 194/10. Л. 1].

В письмах 1887–1888 г. Генеромо сообщал о деятельности Духовно-библейского братства в Елисаветграде: «Ихние чаяния те же, что и наши. Народ все трудовой, смиренный, ремесленники больше, потому что они евреи, а евреям по законам империи нельзя земледелием заниматься. Представьте себе, что это за ужас». [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/9. Л. 35]. На собраниях братства он открыто пропагандировал идеи Толстого, что привело к конфликту с основателем общества Я.М. Гординым, опасавшимся обвинений в социалистической пропаганде [Henry 2011, 91].

В Елисаветграде Файнерман познакомился с Анной Львовной Любарской, одной из сестер Духовно-библейского братства, бывшей студенткой Высших медицинских курсов в Петербурге, с которой вступил в гражданский брак. В августе 1888 г. он писал Толстому:

Вы рады за меня, мой дорогой, что я женился, рад и я, и был бы еще более рад и счастлив, если бы я был тот «претерпевший до конца». Больно, совесть грызет за это недотерпение, и я несу свой грех. Ум мой оправдывает меня. Была жена, оставила детей, ушла, не просто ушла, а по людским законам на веки рассталась... И вот тут-то встречается женщина, одинаковая со мной по вере и стремлениям в жизни... идет за меня замуж, на двоих детей, на скромную жизнь бедного столяра, и рада, рада, что начинает делать такое дело жизни, к которому влекли давно ее разум и сердце. Я еще раз справляюсь у Эсфири, не придет ли она теперь с нами жить, и она отказывает. Так и совершилось дело, и я женился... Лучшего семейного счастья я самому близкому другу и не мог бы пожелать... [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/10. Л. 7].

Вместе они трудились в сельскохозяйственной общине в селе Глодоссы, к которой присоединились некоторые участники братства, однако она распалась в силу финансовых и психологических проблем [Гордеева 2003, 72–73; Henry 2011, 91–93]. В письме к Файнерману от 22–24 марта 1891 г. Толстой наставлял:

...Мне кажется, что в нашей жизни... наступило тяжелое... время... лишнее той прежней радости... наступило время разочарований... время опадения, равнодушия и презрения и даже гонений <...> Пускай ша-танье; только бы каждый делал, что ему велит бог... [Толстой 65, 273].

После Глодосс Файнерман с семьей пытался обосноваться в других общинах в Смоленской и Харьковской губерниях, но власти их выселяли. В письме от 15 июня 1892 г. он писал Толстому о том, как полиция изгоняла их из Санжар: будучи еврейкой, Анна Любарская не могла проживать в селе, а он, находясь под надзором, мог «жить только в тех местах, где есть жандармская полиция и агенты тайной полиции» [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/11. Л. 4].

Неудачей закончилась и попытка организовать съезд толстовцев летом 1892 г., поскольку Толстой отклонил просьбу Файнермана и братьев Алехиных приехать на съезд в Полтаву или провести его в Ясной Поляне. Этот эпизод отражен в воспоминаниях «Съезд толстовцев», открывающихся рассказом о гонениях, которым подвергались участники движения, их семьи и дети, лишенные паспортов и домашнего очага. В речах общинников звучала озабоченность семейным вопросом:

Знаете ли вы ужас тех драм, которые разыгрываются в семьях наших новоборов? Ласки жены представляются нам грехом, и муж украдкой, живя на разных половинах, видается с женой и клянет свои порывы, клянет их и жена. А роды кажутся прямым позором, и дитя родится с печатью проклятия и озлобленных взглядов близких. Должно ли так быть?.. Собравшись и устроивши какой ни на есть толк, общину, секту или как там ни назовите это, мы уже будем в глазах властей предрержащих чем-то существующим и дети наши будут записаны и бродягами не будут числиться [Тенеромо 1912, 251–252].

Далее приводится полный текст письма Толстого, в котором звучал призыв «единения с истиной, с Богом»: «...как я могу знать, с кем мне предстоит теснейшее единение <...> мы должны признать, что на пространстве между Харьковом и Тулой есть только два-три человека, которые могут нас понять...» [Тенеромо 1912, 253]. «Мы были ошеломлены таким ответом», – свидетельствовал Тенеромо. Через несколько дней был получен текст письма, адресованного Митрофану Алехину, в котором Толстой вновь излагал свои мысли о единении: «Вы говорите, сообща легче. Что легче? Пахать, косить, сваи бить – да; но приближаться к Богу можно только поодиночке» [Тенеромо 1912, 254]. В финале рассказа Тенеромо отмечал, что в дальнейшем Толстой изменил свои взгляды: в письмах к духоборам говорил о необходимости общинной жизни и поддержал Общество

свободных христиан в Петербурге. «Дух Л.Н. рос в глубокой искренности, и то, что на первый взгляд кажется противоречием, на самом деле есть признак жизни», – назидательно заключал его ученик рассказ об одном из драматических эпизодов движения толстовцев [Тенеромо 1912, 255].

В июне 1891 г. Файнерман писал о своем стремлении отправиться в Палестину, куда собирались некоторые из участников Духовно-библейского братства, практически прекратившего свою деятельность после отъезда Гордина в Америку [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/10. Л. 32; Henry 2011, 20]. В марте 1893 г. он просил о финансовой помощи [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/11. Л. 22]. Толстой отвечал ему 15 апреля:

Вы знаете, что у меня нет денег и никакого имущества, просить же денег у людей, для которых цель ваша совершенно чужда, значит – только раздражать людей... я не отказываю, а заявляю невозможность. Особенно больно, потому что между нами произошло охлаждение, а это всегда, и особенно теперь, когда я чувствую близость смерти, больно, и я не хочу этого и смело пишу, что люблю вас и уверен, что вы мне ответите тем же [Толстой 66, 311].

В письме от 19 апреля Файнерман писал:

Почти от всех моих знакомых и друзей получил уже ответ. Только два человека сочувственно отнеслись, но помочь не могут теперь... Жаль только, что дети растут не там и не в той среде, где, как мне кажется, им было бы лучше... К вам я охлаждения никакого не испытывал. То же чувство любви и признательности, какое и было. Наши мнения о формате жизни и о Христе различны, но это нисколько не охлаждает во мне чувства дружбы, и я со слезами на глазах пишу вам это [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/11. Л. 26].

Сообщая о полтавской жизни, Файнерман рассказывал о столярной мастерской – единственной несельскохозяйственной общине, созданной участниками движения. О дальнейшем развитии его воззрений свидетельствуют письма лета 1893 г. Так, 21 июня 1893 г. он замечал:

За последний год я вылечился от чумы сектанства. И в этом смысле я и писал вам, что пережил вопрос об общинах... Именно теперь у меня в этом направлении самая живая и радостная работа. Какой народ еврей, друг мой! Это, действительно, гвардия монотеизма. И Гейне, как и мне, суждено было узнать это тяжелым путем. Не ропшу, но целую. Ваша «Исповедь» и то, что с Вами тогда делалось, получает для меня теперь особенный смысл [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/11. Л. 33].

В письме (июнь-июль 1893 г.) Толстой отвечал Файнерману:

Мне очень нравится ваш образ жизни в Полтаве и мне кажется, что я бы удовлетворился такой жизнью навсегда <...> Мне также, еще страннее, чем вам, воспоминание о переходе в православие, в к[отором] я участвовал советом, но как все прошедшее не мучает меня, а удивляет. Как мог я не видеть всего греха этого дела [Толстой 90, 285].

Письма Файнермана к Толстому явно свидетельствуют, что крещение не стало для него знаком разрыва с еврейством, напротив, он рассказывал о переживаниях и административных препонах, с которыми сталкивался сам и его близкие. В начале 1894 г. Файнерман сообщал об открытой им школе для обучения ремеслу детей из бедных еврейских семей, на что получил одобрителный отклик Толстого [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/11. Л. 37; Толстой 67, 22–23]. По ее примеру была создана вторая общая ремесленная школа. Однако обе школы были закрыты по суду в октябре [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/11. Л. 45; Толстой 67, 161, 234].

Перезды, гонения, заботы о растущей семье сказались на здоровье Анны Любарской, которая, как и Эсфирь, страдала от чрезмерной увлеченности мужа идеями «опрошения». О проблемах в их семье сообщал Толстому Б.Н. Леонтьев, работавший в полтавской мастерской: «Я очень понимаю это. И это бывает, т.е. такая усталость от жизни мирской, только с людьми, предъявляющими запросы к другой, к истинной жизни» (9.III.1894) [Толстой 67, 75].

В 1895 г. семья Файнермана переехала в г. Вознесенск: «Родные жены здесь, и она чувствует себя много лучше около них, – писал Файнерман. – ...Аня занимается медицинской работой как акушерка и массажистка... ею очень довольны. Обращаются и ко мне за медицинской помощью (я в последнее время изучил в Полтаве массаж)» [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/12. Л. 8]. В ноябре 1897 г. он сообщал: «Я работаю теперь в эпидемическом отряде под г. Елисаветградом в качестве земского фельдшера. (Еще прошлой зимой я выдержал экзамен на это звание)... Заболеваемость большая и смертность жестокая... Селений много, и раскинуты они верст на 20 кругом, а работаем мы только вдвоем, – врач и я» [РО ГМТ. Ф. 1. Д. 194/12. Л. 28]. В письмах 1897 г. упоминается о втором замужестве Эсфири.

В конце 1890-х гг. Файнерман отходит от прямого участия в движении, переписка с Толстым сокращается, однако и в 1900-е гг. он

неоднократно посещал Ясную Поляну, о чем публиковал статьи в периодической печати. Семейная жизнь, воспитание детей – важные темы писем Файнермана к Толстому в 1886–1897 гг. В дальнейшем размышления в духе толстовских идей о семье, женском вопросе, отношении полов получили отражение в его рассказах «со слов Толстого»: «Соблазн женщины» и «Легенда о женщине». В рассказе «О порнографии» приводится рассуждение о вреде литературных произведений, подражающих «тошнотворным романам французской работы», которые «лишают душу высокого, жизненного и дорогого» [Тенеромо 1910а, 9, 10]. Эти статьи вошли в брошюру «Толстой и Мечников о женщинах» [Тенеромо 1910а]. В воспоминаниях «Л.Н. Толстой о семье», «Л.Н. Толстой и его дети», «Что с ней?», «Исповедь мужчины» передаются мысли Учителя, изложенные в беседах 1880-х – начала 1890-х гг. [Тенеромо 1912].

Знаковые автобиографические эпизоды легли в основу художественных произведений Тенеромо. Так, история крещения отражена в неопубликованной драме «Израиль и Христос, или Новая вера» (написана после 1912 г.), рассказывающей о судьбе киевского студента Яши Розенцвейга и его семьи [РГАЛИ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 16 («Тенеромо И.Б. Израиль и Христос, или Новая вера» [б.г.]. 139 л.); Элиасберг 2013, 140–146]. Увлеченный идеями христианского мыслителя Титанова, Яша Розенцвейг приезжает в его усадьбу, трудится вместе с крестьянами, пытается организовать коммуну. Его жена Роза как «истинная жена» (в соответствии с идеалом еврейской традиции) отказывается покинуть мужа, стойко переносит все лишения. Эпизод крещения стал содержанием 3-го действия, в финале которого герой переживает глубокое душевное смятение. Несмотря на переход Яши в православие, отставной солдат Иван Шалый относится к студенту подозрительно. Его слова больно отзываются в душе Яши: «Что я сделал кому своим ошибочным, роковым, несчастным крещением?... Я, может быть, сделал много своим родным, своему отцу, матери, о которых я не знаю даже, живы ли они и как перенесли это; причинил много горя жене и больше всего и прежде всего, конечно, себе...» [РГАЛИ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 16. Л. 125–126]. Приехавший в усадьбу отец Розы сообщает о кончине Яшиного отца и бедах, выпавших на долю его родителей. В столкновении с казаками, вызванными по доносу Шалого для разгона крестьянского схода, Яша был смертельно ранен и скончался на руках жены и Титанова.

В пьесе «Развод (из еврейской жизни)» (ее первый вариант в 4-х действиях издан в Киеве в 1902 г., второй – в 5-ти действиях – в Петербурге в 1914 г.) показана трагедия студента Моисея Блюма и его жены Софьи [Тенеромо 1914в]. Отец внушил Софье мысль о разводе, поскольку зять страдал легочным заболеванием. Он опасался, что дочь, оставшись бездетной вдовой, будет вынуждена пройти обряд «халица» (буквально «снятие», «разувание»). Согласно предписанию Торы, этот акт символизировал отказ брата умершего мужа от женитьбы на бездетной вдове, позволяя ей вступить во второй брак (Быт 38:8–9; Втор 25:6). Развод, эгоизм жены и тестя ускорили кончину молодого человека, которому прочили успешную врачебную карьеру. Критика устаревших форм еврейской обрядности была созвучна идеям Духовно-библейского братства, о чем напоминает фамилия учителя Гордина – близкого друга Моисея, с которым они рассуждают о негативных последствиях разводов. В финальной сцене похорон раскаявшаяся Софья просит прощения у бывшего супруга. История, в которой тесть выдвигает требование о разрыве брака, а жена настойчиво этого добивается, во многом близка пережитому самим автором [Элиасберг 2012, 366–370].

Будучи профессиональным медиком, Тенеромо в своей публицистике уделял внимание санитарным и медицинским проблемам. В нескольких художественных произведениях он вывел образы провинциальных врачей. Одна из ранних его пьес в жанре усадебных историй «Модная пагуба» (1901) осуждает их беспринципность, приведшую к гибели пятнадцатилетней Лиды, дочери помещика Михальского, которую соблазнил управляющий Носилов, одновременно флиртовавший с его второй женой Анной Исидоровной. Узнав о беременности падчерицы, она помогла Носилову уговорить ее отправиться в больницу, где Лида умерла от аборта [Тенеромо 1901а].

Этой же проблеме подпольных абортов и алчности врачей, а также сознательного отказа от материнства ради эгоистической «свободы» посвящены драмы «Клара Штейнберг (из еврейской жизни)» и «Новый грех» [Тенеромо 1914б]. В ранней одноактной комедии «Изнанка эмансипации» (1901) показана семья доктора, жена которого, увлекшись «мишурой эмансипации», бежит на собрание, оставляя на его попечение грудного младенца [Тенеромо 1901б]. В дальнейшем пьеса была переработана под названием «Акушерка-футуристка», в которой саркастически высмеиваются причуды док-

торской жены Нины Павловны, «мыслящей женщины с самостоятельной профессией», обманывающей мужа ради свиданий с любовником [Тенеромо 1914а].

В драме «Цепи» (1902; переработка «В кандалах», 1910) показана трагическая история четы Григорьевых, живших в гражданском браке, но скрывавших это от детей. Тайна открылась при получении сыном гимназического аттестата, когда он узнал, что в документах записан на фамилию матери. Оскорбленный насмешками одноклассников, «довольных и сытых своей законностью и своим бумажным “отцовством”», юноша кончает жизнь самоубийством [РГАЛИ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 7 («Тенеромо И.Б. В кандалах: драма в 4 д.» [б.г.]. 118 л.)].

В пьесе «Пепел» (1903, разрешена к представлению, но не издана; другие названия «Прах и пепел», «Судьба» (1910), не разрешена к постановке; опубликована переработка «Людмила Соболева», 1925) поднимается проблема несостоятельности повторных браков, созвучная поучениям Толстого [Тенеромо 1925]. В «современной мелодраме» изображена столярная мастерская, где трудятся «опротивившиеся интеллигенты» во главе с толстовцем Василием Ивановичем. Все они поддерживают решение доктора Соболева оставить супругу и вместе с сыном уехать на Сахалин, куда отправлена его первая жена, осужденная за участие в революционном движении. В центре пьесы выведен конфликт Соболева и второй жены, не принимающей его взглядов.

Прототипами главных героев были полтавский врач А.А. Волкенштейн и его жена Людмила Волкенштейн (урожденная Александрова), осужденная в 1884 г. за покушение на харьковского губернатора князя Д.Н. Кропоткина. В 1896 г. она была отправлена из Шлиссельбургской крепости в ссылку на Сахалин, куда за ней последовал бывший муж, к тому времени женатый вторым браком, но решившийся на развод [Элиасберг 2009, 53]. Эта история отражена в переписке Толстого с Волкенштейном и его второй женой Ольгой Степановной [Толстой 72, 32–34, 496].

Повесть «Катастрофа» (1904) переключается с романом «Анна Каренина» и «Крейцеровой сонатой» [Тенеромо 1904]. Главная героиня Людмила Александровна, жена юриста Воронина, везет сына в училище, размышляя в поезде о своем неудавшемся браке: муж – «холодный и вялый человек», мысли о детях вызывают «и умиление, и какую-то отчужденность», в последнее время она увлеклась инже-

нером Ровенским. «Свободный вольный мужчина, без кандалов узкой семейной морали, держащей в рабстве слабую женщину... Вот и поездка – тоже кандалы... А должна... я – жена, мать...» [Тенеромо 1904, 6]. Неожиданно в вагоне оказывается Ровенский, их любовная встреча неизбежна, как и скорое прощание. Случайная оплошность на перроне приводит к трагедии: нога Людмилы Александровны соскальзывает со ступенек начавшего движение поезда. Вторая часть повести посвящена пребыванию в больнице провинциального Низовска, ее свидениям, общению с докторами, описанию консилиумов, операции и размышлений врачей о судьбе женщины, красоте которой уничтожит предстоящая ампутация. Усилия медиков не приводят к желаемому результату – больная умирает; дети остаются сиротами. Многозначная финальная фраза повести: «Природа безобразия не потерпела», – обращая к словам доктора Муравлина, подразумевает также и авторское осуждение нарушения моральных предписаний и семейного долга.

В противовес критическому изображению незаконных любовных связей, разводов, вторых браков Тенеромо выдвигал положительный идеал, который находил в библейских источниках и древних сказаниях, упрощенно пересказывая их и стилизуя под народные повествования в духе назидательных христианских рассказов Толстого. Так, герой драмы «Развод» учитель Гордин передает сказание о Сидоне, противопоставляя современности древнее благочестие израильянина Рафаила и его жены Рахили. Этот же сюжет о бездетной паре, сохранившей любовь и вознагражденной рождением долгожданного сына после отказа мужа от развода, представлен в пьесе «Рахиль: сказание красивой старины в 5-ти картинах» и сценарии «В Святой Земле (сцены из жизни древних евреев)» [РГАЛИ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 9 («Тенеромо И.Б. В Святой Земле (сцены из жизни древних евреев) – сценарий И. Тенеромо» [б.г.]. 41 л.)]. В рассказе «Развод» сидонскую историю пересказывает своему собеседнику «литературенный» Толстой в качестве примера своих размышлений о невозможности разорвать узы брака с помощью «бумаги». Примером из современности служит история доктора А.А. и его первой жены, отправленной из Шлиссельбурга на Сахалин. В письмах они сообщают о совместной работе в тюремной больнице: «их любят там так, что даже зритель благоговееет... Я вас спрашиваю, был тут развод? Мог быть развод?» [Тенеромо 2012, 362–363]. Далее идет пере-

сказ другой легенды о колдунье, удерживавшей молодого отца семейства; когда же ему удалось найти дорогу домой, она потребовала его возвращения, предъявив в доказательство двоих детей. Однако молитва духовника разрушила чары, превратив колдунью и детей в кучки пепла. «Вот вторые браки. Пепел!..» – заключает рассказчик. Очевидно, что и в этом фрагменте Тенеромо стилизует назидательную еврейскую сказку.

В драмах «Облава» и «Клара Штейнберг» звучат монологи, прославляющие ценности традиционной еврейской семьи. «Спокон веков, во все времена бедствий и ужасов ты одна, дочь Израиля, была подмогой страдальцу мужу твоему и направляла его по пути святого слова Божия... У нас есть две святыни: Святая Тора и святая дочь Израиля. Святыня эта теперь в опасности. Спасите ее!» – восклицает ребе в речи на похоронах молодой матери, умершей после подпольного аборта, на который она решилась втайне от мужа по примеру своей подруги [Тенеромо 1913, 38]. В рассказе «Идеал жены» «литературенный» Толстой также признает самоотверженность «настоящей хранительницы завета», приводя рассказ знакомого окулиста о еврейке, приехавшей к нему в город, но отказавшейся от лечения вдали от дома ради спокойствия мужа, изучающего Тору: «Он... сидит за святым делом, а зарабатывать, кормить, варить и обшивать – это уже я делаю. И так до гроба будет!» – утверждала посетительница, прося лишь о лекарствах. <...> К сожалению, я не близок к еврейской жизни и не знаю, насколько этот обычай распространен в народе, но если это не было так, то евреи давно бы сдали свои духовные крепости...» Далее он излагает легендарный рассказ о благочестии жены раби Акивы, поддерживавшей мужа вплоть до последнего трагического мига его казни [Тенеромо 1912, 138–142].

В то же время в основе сюжета неопубликованной пьесы Тенеромо «Царь Давид» лежит история с Вирсавией, предавшей своего мужа Урию Хетта ради любви царя, о чем, порицая, намекает пророк Нафан, рассказывая притчу об овечке бедняка [РГАЛИ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 29 («Тенеромо И.Б. Царь Давид: трагедия в 5-ти частях» [б.г.]. 75 л.)]. Образ Вирсавии, с ее искушающей красотой, страстью к земным благам и роскоши, представлен как отрицательный, подлежащий осмеянию. Ее слабости разоблачает их сын Соломон, явившийся к ней под видом заморского купца. Осуждение женских прихотей и требований, приводящих к всевозможным бедам, вложенное в уста бесе-

дующего Толстого, стало содержанием рассказа «Три типа женщин» [Тенеромо 1912, 121–126]. Эта же тема сатирически обыгрывается в назидательной мистерии «Тайна демона» [РГАЛИ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 27 («Тенеромо И. Тайна демона: мистерия в 1 д.» [б.г.]. 45 л.)].

В заключение отметим, что литературные произведения Тенеромо не претендуют на художественную значимость, что очевидно из его упрощенных текстов. Их следует рассматривать с точки зрения назидательных задач и моральных уроков, важных для автора, мировоззрение которого сформировалось под влиянием толстовства, русской общественной жизни, а также ассимиляционных процессов, характерных для российского еврейства в переходную эпоху рубежа XIX–XX вв. Автобиографическая основа пьес «Израиль и Христос», «Развод», а также рассказов о беседах с Толстым, отражение проблем врачебной этики, осуждение аборт, разводов, показ психологических переживаний, с которыми сталкиваются семьи, живущие в гражданском браке и их «незаконнорожденные» дети – все это подчеркивает актуальность затронутых в них вопросов. Эти темы были предметом бурных общественных дискуссий своего времени. Проблемы брачно-семейных отношений и воспитания детей волновали многих толстовцев и участников «интеллигентных» земледельческих общин, стремившихся к воплощению своих духовных идеалов [Гордеева 2003, 160–163]. В определенной степени литературные произведения Тенеромо отвечали их потребностям в обсуждении этих вопросов. Можно сказать, что он последовательно создавал своеобразный тип назидательного повествования, в котором носителем мудрости выступал «олитературенный» образ Толстого. Пьесы Тенеромо «из еврейской жизни» отразили важные темы, характерные для русско-еврейской драматургии начала XX в., одним из ведущих жанров которой была «семейная драма» [Элиасберг 2012].

Литература и источники

- Амфитеатров 1907 – *Амфитеатров А.* Женщина в общественных движениях России. СПб., 1907.
- Бирюков 2000 – *Бирюков П.* Биография Л.Н. Толстого: в 2 кн. М., 2000.
- Буткевич 1938 – *Буткевич А.* Воспоминания // *Летописи Государственного литературного музея / Л.Н. Толстой / Под ред. Н.Н. Гусева.* Кн. 2. М., 1938. С. 337–362.

- Гордеева 2003 – *Гордеева И.* «Забытые люди». История российского коммунистического движения. М., 2003.
- Заламбани 2017 – *Заламбани М.* Институт брака в творчестве Л.Н. Толстого: «Семейное счастье», «Анна Каренина», «Крейцера соната» / Пер. с итал. К. Ланда. М., 2017.
- Ивакин 1961 – *Ивакин И.* Толстой в 1880-е годы: Записки // Лев Толстой: в 2 кн. / Литературное наследство. Т. 69. М., 1961. Кн. 2. С. 26–124.
- ИРЛИ – Институт русской литературы им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).
- Летопись 2004 – Летопись российского кино: 1863–1929 / Отв. ред. А.С. Дерябин, сост. В.Е. Вишневецкий и др. М., 2004. С. 118–119.
- Меджибовская 2013 – *Меджибовская И.* «Еврейский вопрос» Толстого // Л. Толстой в Иерусалиме / Сост. Е.Д. Толстая. М., 2013. С. 73–108.
- Молчанов 1986 – *Молчанов А.Н.* В Ясной Поляне // Интервью и беседы с Львом Толстым / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Я. Лакшина. М., 1986. С. 55–60.
- Опульская 1979 – *Опульская Л.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979.
- Писатели современной эпохи 1992 – Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь русских писателей XX в. / Под ред. Б.П. Козьмина. 2-е изд. М., 1992.
- Протазанов 1948 – *Протазанов Я.* Протазанов о себе // Яков Протазанов: Сборник статей и материалов / Сост. М.Н. Алейников. М., 1948.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РО ГМТ – Рукописный отдел Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва).
- Розанов 2004 – *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России. Т. I и II. Материалы для III тома / В.В. Розанов / Собрание сочинений под редакцией А.Н. Николюкина. М., 2004.
- Тенеромо 1901а – *Тенеромо И.* Изнанка эмансипации: комедия в 1-м д. Киев, 1901.
- Тенеромо 1901б – *Тенеромо И.* Модная пагуба: драма в 3-х д. Киев, 1901.
- Тенеромо 1904 – *Тенеромо И.* Катастрофа: повесть. Елисаветград, 1904.
- Тенеромо 1906 – *Тенеромо И.* Воспоминания о Л.Н. Толстом и его письма. СПб., 1906.
- Тенеромо 1908а – *Тенеромо И.* Живые речи Л.Н. Толстого. Одесса, 1908.
- Тенеромо 1908б – *Тенеромо И.* Жизнь и речи Л.Н. Толстого. «В Ясной Поляне». СПб., 1908.
- Тенеромо 1910а – *Тенеромо И.* Толстой и Мечников о женщинах. СПб., 1910.
- Тенеромо 1910б – *Тенеромо И.* Л.Н. Толстой о евреях / с автографом Л.Н. Толстого и предисловием О.Я. Пергамент. 3-е изд. СПб., 1910.
- Тенеромо 1912 – *Тенеромо И.* Живые слова Л.Н. Толстого (за последние 25 лет его жизни). М., 1912.
- Тенеромо 1913 – *Тенеромо И.* Клара Штейнберг: драма в 5 д. (из еврейской жизни). М., 1913.
- Тенеромо 1914а – *Тенеромо И.* Акушерка-футуристка: комедия в 1-м д. СПб., 1914.

- Тенеромо 1914б – *Тенеромо И.* Новый грех: драма в 4-х д. СПб., 1914.
- Тенеромо 1914в – *Тенеромо И.* Развод: драма в 5 д. (из еврейской жизни). Елисаветград, 1914.
- Тенеромо 1925 – *Тенеромо И.* Людмила Соболева: современная мелодрама в 9-ти картинах. М., 1925.
- Толстая 2011 – *Толстая С.* Моя жизнь: в 2 т. М., 2011.
- Толстая 1936 – *Толстая С.* Письма к Л.Н. Толстому. М.; Л., 1936.
- Толстой – *Толстой Л.* Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого (Юбилейное издание (1828 – 1928)): в 90 т. М.; Л., 1935–1958.
- Толстой 1923 – *Толстой Л.Л.* В Ясной Поляне: Правда об отце и его жизни. Прага, 1923.
- Толстой 1969 – *Толстой И.Л.* Мои воспоминания. М., 1969.
- Толстой 1975 – *Толстой С.Л.* Очерки былого. 4-е изд. Тула, 1975.
- Эйхенбаум 2009 – *Эйхенбаум Б.М.* Работы о Льве Толстом. СПб., 2009.
- Элиасберг 2009 – *Элиасберг Г.А.* И. Тенеромо – провинциальный корреспондент Толстого // Филологические науки. 2009. № 5. С. 45–55.
- Элиасберг 2012 – *Элиасберг Г.* Еврейские обряды в контексте еврейской и русско-еврейской драматургии 1880-х – 1910-х гг. // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2012. С. 357–374.
- Элиасберг 2013 – *Элиасберг Г.А.* «Под небом Ясной Поляны»: эпизод 1885 года и его отражение в драматургии И. Тенеромо // Лев Толстой в Иерусалиме: Материалы международной научной конференции «Лев Толстой: после юбилея» / Сост. Е.Д. Толстая. М., 2013. С. 109–146.
- Юкина 2007 – *Юкина И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.
- Henry 2011 – *Henry B.* Rewriting Russia: Jacob Gordin Yiddish Drama. Seattle; London, 2011.

Prohibitions and Prescriptions about Family Life in the Work of I. Teneromo

Galina Eliasberg

(Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

PhD (Philology), ORCID ID: 0000-0002-8051-8912,

Russian State University for the Humanities, Assistant Professor

of the Center for Biblical and Judaica Studies:

125993, Moscow, Miusskaya square, 6, tel.: +7 (495) 250-64-70, E-mail: eliasgal@rambler.ru

Summary: The article is devoted to the life and works of I. Teneromo, a participant of the Tolstoyan movement, correspondent of L.N. Tolstoy, the author of memories, journalist and playwright.

It deals with works which reflected his understanding of the «family question» close to Tolstoy's views; emphasizes the autobiographical basis of a number of his plays, as well as stories about conversations with Tolstoy. His plays and stories do not pretend to be of special artistic value, they are analyzed taking into account the edifying tasks and moral lessons important for the author, whose views were formed under the influence of the ideas of Tolstoy, Russian social life, and the assimilation processes characteristic of Russian Jewry in the transitional era of the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: *Tolstoy L.N., Tolstaya S.A., Ivakin I.M., Tolstoyan movement, Russian-Jewish dramaturgy*

References:

- Biryukov P.* Biografiia L.N. Tolstogo. Moscow, 2000.
- Eikhenbaum B.M.* Raboty o Lve Tolstom. St. Petersburg, 2009.
- Eliasberg G.A.* Teneromo – provintsialnyi korrespondent Tolstogo // *Filologicheskie nauki*. 2009. No. 5. P. 45–55.
- Eliasberg G.* Evreiskie obriady v kontekste evreiskoi i rusko-evreiskoi dramaturgii 1880-kh – 1910-kh gg. // “Staroe” i “novoe” v slavianskoi i evreiskoi kulturnoi traditsii / Ed. by O.V. Belova. Moscow, 2012. P. 357–374.
- Eliasberg G.A.* “Pod nebom Iasnoi Poliany”: epizod 1885 goda i ego otrazhenie v dramaturgii I. Teneromo // Lev Tolstoi v Ierusalime: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Lev Tolstoi: posle iubileia» / Ed. by E.D. Tolstaya. Moscow, 2013. P. 109–146.
- Henry B.* Rewriting Russia: Jacob Gordin Yiddish Drama. Seattle; London, 2011.
- Gordeeva I.* “Zabytye liudi”. Istoriia rossiiskogo kommunitarnogo dvizheniia. Moscow, 2003.
- Medzhibovskaya I.* “Evreiskii vopros” Tolstogo // L. Tolstoi v Ierusalime / Ed. by E.D. Tolstaya. Moscow, 2013. P. 73–108.
- Opul’skaya L.* Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1886 po 1892 god. Moscow, 1979.
- Yukina I.* Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti. St. Petersburg, 2007.
- Zalambani M.* Institut braka v tvorchestve L.N. Tolstogo: “Semeinoe schastie”, “Anna Karenina”, “Kreitserova sonata”. Moscow, 2017.